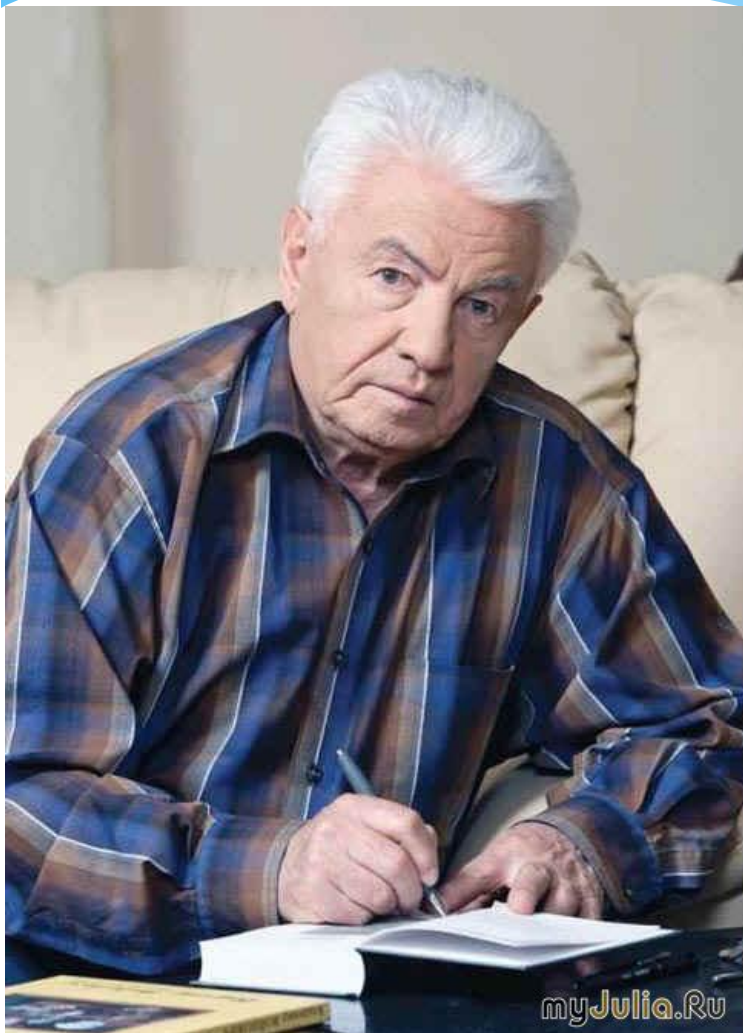

«Жанровая специфика романа-анекдота «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»

В.Н.Войновича и художественные приемы ее воплощения»

Замысел книги «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», возник летом 1958 года. Причем это был замысел не романа, а рассказа о Нюре. Он назывался «Вдова полковника». Войнович тогда еще нигде не печатался, работал плотником. Образа Чонкина у него тогда не было. Но однажды он вспомнил, что видел такого человека, когда служил в армии. И этого человека звали Чонкин. Когда возник образ, Войнович, понял, что из этого может получиться даже роман-анекдот. И, действительно, получился роман, который имеет необычную художественную форму, она и подлежит нашему рассмотрению.

Наша работа будет посвящена жанровой специфике романа Владимира Войновича «Жизнь и необыкновенные приключения солдата Ивана Чонкина».

Объект нашего исследования – роман-анекдот Владимира Войновича «Жизнь и необыкновенные приключения солдата Ивана Чонкина».

Предметом исследования является жанровая специфика романа-анекдота писателя и художественные приемы ее воплощения.

Следовательно, **целью** нашей работы будет последовательное рассмотрение жанровой специфики романа-анекдота, позволяющая говорить о художественных особенностях текста.

Поставленная цель диктует решение следующих **задач**: 1) осмыслить жанр анекдота в его исторических истоках; 2) раскрыть особенности творческой манеры писателя; 3) выявить особые авторские приемы создания оригинальной жанровой формы.

С виду самое простое, как правило, таковым не является. Например, анекдот. Есть несколько определений жанра, достаточно четких и ясных. Если исходить из французской корневой основы, то это анекдот (фр. Anekdote - байка, небылица; от греч. anekvoto - не опубликовано, букв. «не выдано») — жанр фольклора — короткая смешная история. Чаще всего анекдоту свойственно неожиданное смысловое разрешение в самом конце, которое и рождает смех. В другой этимологии (греч. Anecdotos - неизданный). Это и короткий рассказ о незначительном происшествии и «своеобразная юмористическая притча».

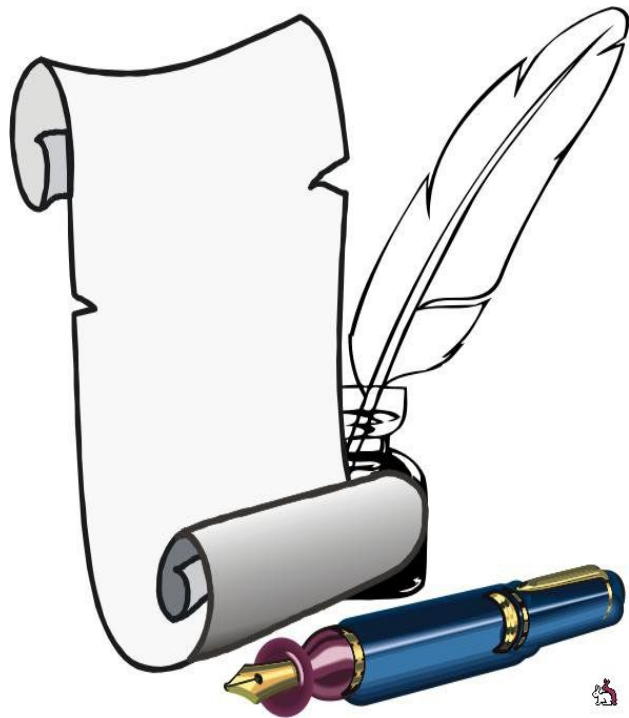
Т.Маркова справедливо считает, что анекдот легко внедряется в художественную структуру практически любого современного текста, поскольку обладает качествами отвечающими требованиям новой литературной ситуации: лаконизмом, парадоксальностью, коммуникативностью. Соединяясь с традиционными признаками других жанров, «современный анекдот разворачивается в картину, представляющую наш абсурдный мир в целом».

Форма современных анекдотов может быть любой - стихотворная, маленькие рассказы, всего одна фраза-афоризм. Анекдот может быть даже в форме романа, например, жанр романа «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» характеризуется именно так: роман-анекдот. Форма анекдота не имеет значения. Главное - анекдот должен рождать смех.

Оригинальность жанровой формы вне сомнения, но в чем ее специфика и что позволяет автору именно так её обозначить, - вот предмет нашего исследования.

1. В первую очередь отметим тесную связь романа Войновича с традициями карнавального юмора и волшебной сказки, отсюда и постоянно повторяющийся ритуал увенчания-развенчания. Он легко прослеживается на судьбе самого Чонкина, которого сначала награждают орденом за преданность воинскому долгу (охранял никому не нужный самолет, отбивая атаки «превосходящих сил противника» - районного НКВД и целого полка присланного для борьбы с «Бандой Чонкина»), но тут же лишают награды и арестовывают. Во время службы в армии Чонкину доверяли только ходить за скотиной, а теперь объявляют князем Голицыным и «тайным претендентом на престол» (на основании того факта, что в деревне, где родился Чонкин, ходил слух, что мать «нагуляла» Ваню с проезжим поручиком Голицыным).

2. Такие метаморфозы характерны для всего советского мира. Никто не застрахован от стремительного поворота колеса фортуны. Ничто не устойчиво. Всесильный капитан НКВД Миляга после того, как бежит из чонкинского плена, не может понять, в чьи руки он попал, и на ломаном немецком языке объясняет, что-де «их бин арбайтен ин руссиш гестапо», и уже, казалось бы, разобравшись, что к чему, выпаливает: «Хайль Гитлер!», - за что поплатился жизнью. После смерти его объявляют героем, устраивают торжественные похороны, но по недосмотру вместо его костей в гробу оказываются череп и кости мерина Осоавиахима. Верный Сталину НКВДешник превращается в гестаповца, затем в предателя, затем в героя, а затем вообще – в мерина!

Избитый еврей-сапожник оказывается отцом Сталина, председатель колхоза Голубев – всемогущим «паханом», секретарша при НКВД Капа, с которой не переспал только ленивый, - Куртом, тайным агентом Канариса.

3. Однако карнавальные «перевёртыши» в романе Войновича целиком относятся к сфере власти. В карнавале тоталитарного произвола народ старается не принимать участия. Их жизнь основана на простых, не возвышенных, нормальных и естественных потребностях. О том же Чонкине один из представителей власти снисходительно думает: «Вот жил – был маленький человек. Ничего от жизни не требовал, кроме куска хлеба, крыши над головой и бабы под боком. Впрочем, ничего плохого не делал» [1, с. 407].

Канадская исследовательница Лора Бераха отмечает, что Чонкин обладает особого рода неподвижностью и пассивностью, которая сближает его с фольклорными Иваном-дураком и Емелей-запечником. Иммунитетом по отношению к внешней среде объясняет тот факт, что и Чонкин, и Нюра до встречи друг с другом предпочитали общение с людьми общению с животными. «А кабан Борька, тот и вовсе бегал за Нюрой, как собака. Нюра около двух лет назад взяла его в колхозе маленьким трехдневным поросенком, рассчитывая со временем его зарезать. А поросенок попался чахленький, много болел. Нюра за ним ухаживала, как за ребенком. Кормила из соски молоком, клала на живот грелку, купала в корыте с мылом, повязывала платочком и укладывала с собой в постель»[1, с. 39].

Заключение

Исследуя анекдот, как жанр, Е. Курганов утверждает: «Анекдот – это паразит жанра. Он живет внутри него. Но, в отличие от прочих словососущих, анекдот не столько питается за счет других жанров речи, сколько питает сам, привнося пикантность и глубину в околослитературную ситуацию»[2].

Так через череду нелепых, смешных ситуаций и систему образов-перевёртышей Владимир Войнович выходит к очень серьезным и глубоким художественным обобщениям. И на основе синтеза разных, казалось бы несовместимых, жанровых форм создает новую жанровую модель.

